

СЕРГЕЙ КУДАЕВ (Тарту)

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ГЕНИТИВА И АДЪЕКТИВА НА -*ń* В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

Постановка вопроса о дифференциации имени существительного в форме генитива основного склонения и прилагательного на -*ń* обусловлена омонимичностью данных форм, например: эрз. *кедень* и мокш. *кядень* 'руки' или 'ручной', эрз. *ошень* и мокш. *ошонь* 'города' или 'городской' и т. д. (Angere 1956 : 53; Itkonen 1962 : 204). То же наблюдается и в других финно-угорских языках, например, в марийском: *олан* 'города' или 'городской' (СМЯ 107; Серебренников 1967 : 16; Itkonen 1962 : 204; Kangasmaa-Minn 1969 : 71). За пределами волжской группы финно-угорских языков данное явление встречается в диалектах финского языка (Alvge 1969 : 89). Некоторые финно-угроведы объясняют его происхождением суффикса генитива из суффикса адъектива (Галкин 1964 : 39—40; Хакулинен 1953 : 85; Kangasmaa-Minn 1969 : 71; Ravila 1941 : 77; Szinyei 1922 : 61).

Традиционное рассмотрение генитива основного склонения существительного и прилагательного на -*ń*, которое в мордовских языках является относительным, мало касается вопроса о дифференциации этих словоформ. Единственный критерий, который применяется в современной мордвинистике, предложен Д. В. Бубрихом. По мнению Д. В. Бубриха, критерием отграничения генитива существительного от относительного прилагательного может служить логическое противопоставление заменяемости и незаменяемости относительного прилагательного формой генитива указательного или притяжательного склонения. Другими словами, если имя на -*ń* можно заменить генитивом указательного или притяжательного склонения без нарушения логической структуры высказывания, то оно является существительным в форме генитива (1953 : 196).

Формально-логическая концепция дифференциации генитива и относительного прилагательного впервые нашла воплощение в монографии М. Н. Коляденкова по общему синтаксису мордовских языков (1954 : 30—39, 219—225). Говоря о присубстантивном управлении второстепенных членов предложения, М. Н. Коляденков неукоснительно руководствовался формально-логической концепцией Д. В. Бубриха, но указал на необходимость учитывать лексическое содержание как управляемого, так и управляющего имени: «Среди управляющих существительных по лексическому содержанию наиболее отчетливо различаются имена лиц и предметов и имена действий. При именах лиц и предметов употребляются падежи преимущественно с определительным значением, при именах действий — все падежи» (1954 : 30—31). Эти дополнения к концепции Д. В. Бубриха наводят на мысль, что не во всех случаях мор-

фема *-и* выступает с идентичным значением, т. е. только с реляционным. Сравните: эрз. *плотникень узере*, мокш. *плотниконь узерь* 'топор плотника' или 'плотничий топор', эрз. *письмаронь пизэ*, мокш. *псьмаронь пиза* 'гнездо скворца' или 'скворчиное гнездо', эрз., мокш. *тумонь тарад* 'сук дуба' или 'дубовый сук' (там же : 31).

Присубстантивные определения *плотникень/плотниконь* 'плотничий', *письмаронь/псьмаронь* 'скворчиное', *тумонь* 'дубовый' обозначают не предмет, а предметно-качественный признак. Характер содержания качественного признака прямо зависит от содержания лексического значения сочетающихся слов. Присубстантивное определение *плотникень/плотниконь* 'плотничий' при слове *узере/узерь* 'топор' выражает профессионально-инструментальное качество предмета, отвечает на вопрос эрз. *кодамо?*, мокш. *кодама?* 'какой?'. Определение *письмаронь/псьмаронь* 'скворчиное' обозначает принадлежностно-видовое качество поясняемого объекта, допускает вопросы принадлежностно-видового плана *лезень?* 'чье?' и качественно-видового — *кодамо/кодама?* 'какое?'.
 Роль лексического содержания поясняемого слова зримо сказывается на модификации семантики качественных оттенков лексического значения относительного прилагательного. В зависимости от лексического значения поясняемого слова и контекста в целом относительное прилагательное *тумонь* может обозначать предметно-видовое качество *тумонь тарад* 'дубовый сук' и отвечать на вопрос *кодамо/кодама?*. В сочетании с существительным эрз. *чочко*, мокш. *шочка* 'бревно' относительное прилагательное *тумонь* 'дубовый' обретает материально-качественное значение: *тумонь чочко/шочка* 'дубовое бревно'. Поясняющее слово *тумонь* в указанном значении также отвечает на вопрос *кодамо/кодама?*. В отвлеченно-качественном значении 'твердый, непрístupный, прочный, долговечный' относительное прилагательное *тумонь* наиболее отчетливо проявляется в положении присубстантивного определения с изобразительно-качественным значением: *тумонь обуця* 'дубовый характер' в значении 'твердый, непрístupный'; вопрос только *кодамо/кодама?*. Однако независимо от характера качественного содержания признаков, выражаемых относительными прилагательными, присущее им категориальное значение атрибута и общий адъективный вопрос *кодамо/кодама?* объединяют такие имена в одну грамматическую категорию.

Имеется несколько причин, обуславливающих ошибки при дифференциации генитива основного склонения существительного и относительного прилагательного. Наиболее существенны из них следующие:
 1) омонимичность словообразовательного суффикса относительных прилагательных *-и* и словоизменительного форманта генитива существительного *-и*;
 2) омонимия форм родительного падежа существительного и производных от него относительных прилагательных: эрз. *чувтонь пиляма*, мокш. *шуфтонь пилама* 'пиление дерева', эрз. *чувтонь кудо*, мокш. *шуфтонь куд* 'деревянный дом';
 3) функциональная соотнесенность генитива определительного имени существительного и предметно-качественного значения относительного прилагательного: эрз. *Ванянь тулупке*, мокш. *Ванянь тулупкя* 'Ванин тулупчик', эрз. *нумолонь тулупке*, мокш. *шумбазонь тулупкя* 'заячий тулупчик'.

Средства дифференциации генитива основного склонения существительного и прилагательного на *-и* не получили убедительной оценки в мордовской языковедческой литературе, вследствие чего возникают неточности при их разграничении (Шестакова 1952 : 13). Адъективное значение имени на *-и* в отличие от предметного значения генитива существительного актуализуется в самой словоформе с *-и*-овой морфемой

вне словесного окружения: эрз., мокш. *пичень* 'сосновый', эрз. *нармунень*, мокш. *нармонень* 'птичий', эрз., мокш. *учителень* 'учительский'. Для актуализации же предметного значения имени с -й-овой морфемой необходимо наличие ряда условий.

Одним из последних является осложнение генитива основного склонения суффиксами определенности или суффиксами притяжательности (ОФУЯ 293, 294) : эрз. *кудонть*, мокш. *кудть* 'дома-того', эрз. *кудотнень*, мокш. *куттнень* 'домов-тех'; эрз. *виренть*, мокш. *вирть* 'леса-того', эрз. *виртнень*, мокш. *вирьхнень* 'лесов-тех'. Грамматическое значение определенности выражается морфемами эрз., мокш. -т в единственном числе, эрз. -йе- и мокш. -йә- во множественном числе.

Генитив с морфемами определенности обретает материально выраженное значение предметности, которое обуславливает его сочетаемость как существительного с глаголом, прилагательным, послелогом и позволяет ему выступать в функции атрибута при существительном: эрз. *Те тевенть тейсть кедьсэ ды коймсэ* (Абрамов 37) 'Эту работу делали руками и лопатами'; *Вишка кургонть авто пельде карксызь чопода бороздынеть* (Абрамов 13) 'Маленький рот с обеих сторон опоясали темные борозды'; *Сех пек сон мелятсь ялганть кисэ* (Абрамов 27) 'Больше всего она беспокоилась за подругу'; *Рая нолдызе пиле вакска ломаненть лемензэ* (Абрамов 68) 'Рая пропустила мимо ушей имя человека'; мокш. *Зярнясь перьфпяльсь, шобдать солафтозь юрнай пожархне* (Пинясов 13) 'Кругом гремело, тьму растопили пылающие пожары'; *Тёсонь перяфксть ваксэ ц вальмять каршес ладяфт шуфтонь скомнят* (Пинясов 24) 'Около тесовой перегородки и против окна поставлены деревянные скамейки'; *Шрать лангса оцю чернильница* (Пинясов 24) 'На столе большая чернильница'; *Бта ведарка кельме ведь каясть председателть пси прыванза* (Пинясов 46) 'Словно ведро холодной воды вылили председателю на голову'.

Кроме морфем определенности, в качестве показателей предметности имен на -й часто выступают морфемы притяжательности (ГМЯ 200). Лично-притяжательные суффиксы эрз. -нзо, -нзе ряда сонзэ 'его' и мокш. -зә-, -йә-, -сә-, -тйә-, -с, -нзә, йкә-, -йтә-, -сна всех шести рядов парадигмы притяжательного склонения как средства выражения категорий лица и принадлежности, входя в морфологическую структуру генитива, наделяют его грамматическими значениями лица, предметности и притяжательности. Примеры: эрз. *Кевень ашо пирявконзо сэресь кенкшенть ёндо вете саженть* (Куторкин 96) 'Высота каменного белого забора со стороны двери пять саженн'; *Уш а секс ли пек вечксы Рома церынензэ низэ* (Куторкин 10) 'Уж не поэтому ли очень любит жена сына Романа'; мокш. *Кизефтьсы: тон ляцить Петя брадозень?* (Пинясов 24) 'Спрошу: ты застрелил брата Петра'; *Учанень мийне, а сонь кадондыне* (Пинясов 35) 'Овец бы продал, а ее бы оставил'; *Тон, Пелагея Максимовна, катк бригадацень тячи тязк* (Пинясов 47) 'Ты, Пелагея Максимовна, сегодня оставь бригаду здесь'; *А тон педеть спортти, киндиге аф эрвякск тевс тонафтыть красноармеецнень* (Ларионов 20) 'А ты прилип к спорту: учишь красноармейцев никому не нужному делу'; *Илья алянц афи мяляфтсы* (Пинясов 6) 'Илья отца не помнит'; *Костылензон ёрязень инголи теждяста* (Пинясов 48) 'Легко выбрасывал костыли перед собой'; *Эк, алянконь сявозь, а минь лядоме* (Ларионов 68) 'Ишь, мужчин взяли, а мы остались'; *Аф юкстаса паронтень* (Завалишин 30) 'Не забуду вашу доброту'; *Эшентьфтезь теласнон и тага кис* (Ларионов 23) 'Освежили тела и снова в дорогу'.

Необходимо отметить, что -й-овая форма собственных имен лиц не нуждается в показателях определенности и притяжательности: эрз. *Нал велесэ Трошань алкукс ломанькс ловицят пек аламольть* (Куторкин

17) 'В селе Нал очень мало было людей, считавших Трошу настоящим человеком'; *Гостя баба, Марюшань авазо, аштесь озадо коник лангсо* (Абрамов 23) 'Бабушка Гостя, Марюшина мать, сидела на скамье'; *А улияк сынст ютксо Валдаень Уля — казне пельдень а получают* (Куторкин 44) 'А если среди них не будет Валдаевой Ули — подарка от меня не получишь'; *Молемань перть Надянь одежанзо вельтявсть уголиянь пультсэ* (Абрамов 43) 'За время скитаний Надина одежда покрылась угольной пылью'; мокш. *Ну, вов, Паша, Ильянь кудоц менельти тусь качамть мархта* (Пинясов 59) 'Ну, вот, Паша, дом Ильи на небо ушел вместе с дымом'; *Петрань раднянзон колга аш месьт корхтамска* (Пинясов 58) 'О родственниках Петра и говорить нечего'; *Приметазе Илья: Сярьгинонь сельмованфоц савор-савор шашты алу и лоткасэ фкя вастс* (Пинясов 26) 'Илья заметил: взгляд Сярьгина медленно опускается и остановился на одном месте'; *Лядсьь Сергеевть мяльс А. С. Пушкинонь поэманц эзда ушеткссь* (Ларионов 67) 'Сергеев вспомнил начало из поэмы А. С. Пушкина'.

Вопрос об именах собственных, обозначающих географические названия, менее ясен. Рассмотрим пример: *мольдянок москувонь ульцява* 'идем по улицам Москвы' и 'идем по московским улицам' (Цыганкин 1977 : 56). В переводе словоформа *москувонь* выступает и как имя нарицательное и как имя собственное. Возникает вопрос, допустимо ли написание данной словоформы с прописной буквы. Без сомнения, в мордовских языках это возможно. Естествен и следующий вопрос: в каких случаях необходимо писать прописную букву, а в каких строчную? Ранее этот вопрос подробно рассматривался на материале эстонского языка (Эрелт 1980 : 96—97; Nurm 1958 : 621; Sepataa 1958 : 496).

К числу других условий выделения предметного значения имени с морфемой относятся управление генитивом послелогоми, присубстантивное определение при генитиве и управляющий генитивом глагол или отглагольное слово — имя действия.

Среди послелогов в качестве сопутствующих показателей предметного значения имени с морфемой *-и* выступают, как правило, послелоги, выражающие различные обстоятельственные отношения. Примеры: эрз. *Сонензэ саты секе: мелявты тетянь кисэ* (Абрамов 21) 'Ей хватит и этого: беспокоится за отца'; *Лангсонзо ожань таркас кавто варя марто палаксонь мешок* (Куторкин 101) 'На нем мешок из крапивы, а вместо рукавов две дыры'; *Сергов чинь каршо веть прась васень лов* (Куторкин 65) 'На Сергеев день ночью выпал снег'; *Кискань эземс ванстась чинек-венек кевень кудонзо теемстэ рамазь вирензэяк* (Куторкин 50) 'Круглые сутки вместо собаки сторожила лес, который купила во время строительства своего каменного дома'; *Бажи рамамо Кар графонь кедьстэ зяряк мода* (Куторкин 71) 'Хочет купить у графа Кара сколько-нибудь земли'; *Кие сы истямо пиземене, рудазонь пачк* (Абрамов 52) 'Кто придет в такой дождь, по грязи'; *Гостя атя ашти валскень перть кудосо* (Абрамов 64) 'Дед Гостя по утрам сидит дома'; мокш. *Сон хоть колма кизода сядя оцюволь ялгань коряс, но кулхцонкишнеше Кужинонь* (Пинясов 7) 'Он хоть на три года старше друга, но слушался Кужина'; *Эсь велень ломань лангс* (Пинясов 26) 'На человека из своего села'; *Шабакс пингста учсесь эсонза сяс, штоба ялга мархта налхксемс фкя-фкянь вешендиса тишень потмоса* (Пинясов 37) 'В детстве ждал его потому, чтобы с друзьями поиграть в траве в прятки'; *Курнянь келесейнза мярьгихть Татьяна Ивановна* (Ларионов 17) 'На улице ее называют Татьяна Ивановна'; *Ломань ёткса улять, раднятне аф кармайтхь виздемда эздот* (Пинясов 60) 'Среди людей будешь, родные не будут стыдиться тебя'.

В контексте определяющая роль в дифференциации генитива существ-

вительного и прилагательного с морфемой принадлежит в одном случае присубстантивному определению при генитиве (Тюркина 1972 : 199), в другом — глаголу или отглагольному слову, управляющему существительным в форме генитива.

Примеры с присубстантивным определением генитива: эрз. *Пахом Васильевич завторкась ды тусь васенце бригадань кардазов* (Абрамов 5) 'Пахом Васильевич позавтракал и пошел на двор первой бригады'; Эрзясь *пачкодсь Кар графонь экономиять келес панжадо покш кенки ланс* (Куторкин 79) 'Эрзянин дошел до открытых настежь ворот Экономии графа Кара'; Сон *саизе Гостя атянь кукишонить ды тусь Ашо лисьмав* (Абрамов 8) 'Он взял кувшин старика Гости и пошел к Белому роднику'; мокш. *Ротать пачк модемста лиссь омбоце взводонь боецненди* (Ларионов 54) 'Проходя сквозь роту, вышел к бойцам второго взвода'; Омбоце *пулемётсь путома порать инголи, Сватковичи велень перетнень пес* (Ларионов 71) 'Второй пулемет поставить перед рощей, за садами села Сватковичи'; А *Петя атянь семейканц кувалма мон нинге тя пингти ашень куле ширем валнявок* (Чекашкин 97) 'А о семье старика Петра я еще до сих пор не слышал плохого словечка'.

Примеры на глагольное управление генитивом: эрз. *Пелюмань ладямо ды човсемяк уш ней машты* (Куторкин 82) 'Уж теперь может косу наладить и наточить'; *Сась тикшень ледема шкась* (Куторкин 80) 'Пришло время косить траву'; *Галя чарькодсь: ялгась жали эйсэнзэ, манчи теке вишка эйдень* (Абрамов 52) 'Галя поняла: подруга жалеет ее, обманывает словно маленького ребенка'; мокш. *Обидна ули, кда шавфтама ломань ся вастса* (Ларионов 71) 'Обидно будет, если людей погубим на таком месте'; *Совестень содайль ломанць* (Пинясов 51) 'Совесть бы имел человек'; *Тяса ломаттне лиянь пичефксонь шарьхкодить* (Пинясов 25) 'Здесь люди чужие заботы понимают'.

Рассмотрев возможные критерии дифференциации генитива основного склонения имени существительного и прилагательного на -й можно сделать следующие выводы.

1. Формально-логическая концепция заменяемости-незаменяемости относительного прилагательного генитивом указательного и притяжательного склонений не может служить достаточным основанием для аргументации его субстантивности, как падежной формы парадигмы существительного. Необходимо отметить, что сочетаемость поясняемых прилагательным слов с генитивом указательного и притяжательного склонений объясняется не грамматическими качествами лексических единиц, а реально возможными или наличествующими отношениями между означаемыми объектами в окружающей действительности в плане целое и часть обладатель и обладаемое (мокш. *Тоса эсь тиф шрать ваксса тумонь эчке мокорь ланс озафоль атя, порсь шурьхкя толгада и сукондсь верок тувонь сивольда. Шаржу сакалоц сратфоль мяштенц келес, кяденза, бта тумонь таратт* (Ларионов 67) 'Там за самодельным столом на толстом дубовом пне сидел старик, жевал перья лука и откусывал сырое свиное мясо. Седая борода разметана на груди, руки, словно дубовые сучья').

Во всех отмеченных случаях поясняемые относительными прилагательными слова допускают сочетаемость с генитивом указательного и притяжательного склонений (*тумонь мокорь* 'дубовый пень' — *тумоть мокорец* 'пень дуба' — *тумоцень мокорец* 'пень дуба-твоего'; *тумонь тарад* 'дубовый сук' — *тумоть тарадоц* 'сук дуба' — *тумонтень тарадоц* 'сук дуба-вашего' и т. д.) — однако подобные трансформы не всегда можно вписать в контекст без нарушения языковой нормы. В контексте замена относительного прилагательного генитивом указательного или притяжательного склонения часто сопровождается нарушением струк-

туры высказывания вплоть до полного нарушения содержания.

2. Критерием для определения относительного прилагательного является его адъективное значение в отличие от субстантивного значения производящей основы существительного (эрз., мокш. *вирень* 'лесной' — *вирь* 'лес', *калонь* 'рыбный' — *кал* 'рыба'). Адъективное значение относительного прилагательного не обусловлено и не опосредовано словесным окружением. Имена на *-ñ*, выражающие признак предмета по тому или иному составу, месту, времени и другие адъективные значения, в мордовских языках образуют разряд относительных прилагательных (Заводова 1952 : 6—7; Шестакова 1952 : 13).

3. Для выявления генитива существительного, по форме идентичного с относительным прилагательным, необходим контекст, который обуславливал бы выражение предметности имени на *-ñ*.

3.1. Наличие морфем указательности эрз., мокш. *-f* единственного числа, эрз. *-ñe*, мокш. *-ñə* множественного числа. Кроме того, показателями предметности имени на *-ñ* являются лично-притяжательные суффиксы: эрз. *-пзо*, *-пзе*, мокш. *-žə*, *-ñə*, *-сə*, *-ñə*, *-с*, *-пза*, *-ñка*, *-ñта*, *-спə*.

3.2. Наличие определения при имени на *-ñ*: эрз. *коське умарень компот*, мокш. *коське марень компот* 'компот из сухих яблок'.

3.3. Наличие имен действия в роли поясняемых генитивом слов: эрз. *пангонь кочкамо*, мокш. *пангонь кочкама* 'собрание грибов'.

3.4. Наличие инфинитива, управляющего генитивом: эрз. *кармасть вирень керямо*, мокш. *кармасть вирень керома* 'стали лес рубить'.

3.5. Наличие послелога, управляющего генитивом: эрз. *понань кондямо*, мокш. *понань кодяма* 'наподобие шерсти', эрз. *вень куншкасто*, мокш. *вень кучкасто* 'посередь ночи'.

4. Генитив собственных имен лиц обходится без дополнительных показателей, выражающих его предметное значение. В данном случае форма генитива управляет формой поясняемых существительных. Последние выступают в форме притяжательного или указательного склонения: эрз. *Ванянь книгазо*, мокш. *Ванянь книгац* 'Ванина книга'.

Сокращения

Абрамов — К. Абрамов, Качамонь пачк, Саранск 1964; ГМЯ — Грамматика мордовских языков, Саранск 1980; Завалишин — А. Завалишин, Эреклась. — Лихтибрат, Саранск 1966; Куторкин — А. Куторкин, Лажныця Сура, Саранск 1976; Ларионов — С. Ларионов, Фкя шинь бойста, Саранск 1983; ОФУЯ — Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки, Москва 1975; Пинясов — Г. Пинясов, Пси киза, Саранск 1980; СМЯ — Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола 1961; Чекашин — А. Чекашин, Вень юргяхть. — Лихтибрат, Саранск 1966.

ЛИТЕРАТУРА

- Бубрих Д. В. 1953, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск.
Галкин И. С. 1964, Историческая грамматика марийского языка. Ч. 1. Морфология, Йошкар-Ола.
Заводова Р. А. 1952, Имя прилагательное в мордовских языках. Автореф. канд. дисс., Москва.
Коляденков М. Н. 1954, Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Ч. 2. Синтаксис, Саранск.
Серебrenников Б. А. 1967, Историческая морфология мордовских языков, Москва.
Тюркина В. М. 1972, Субстантивные словосочетания с зависимым существительным в мордовских языках. — Вопросы мордовского языкознания, Саранск (ТМордНИИ 42), 144—205.

- Хакулинен Л. 1953, Развитие и структура финского языка. Ч. I. Фонетика и морфология, Москва.
- Цыганкин Д. В. 1977, Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка, Саранск.
- Шестакова А. Е. 1952, Образование существительных и прилагательных от именных основ в мордовских языках. Автореф. канд. дисс., Москва.
- Эрелт М. А. 1980. Синтаксис прилагательных эстонского языка. Докт. дисс., Таллин.
- Alvge, P. 1969, Soome keeleõpetuse reeglid, Tallinn.
- Angere, J. 1956, Die uralo-jukagirische Frage, Stockholm.
- Itkonen, E. 1952, Die Laut- und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache. — UAJb. XXXIV, 187—210.
- Kangasmaa-Minn, E. 1969, Über die Beziehungen zwischen Genitiv und Possesivadjektiv im Tscheremissischen. — FUF XXXVII, 71—90.
- Nurm, E. 1958, Käändumatutest omadussõnadest. — KK, 620—624.
- Ravila, P. 1941, Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen. — FUF XXVII, 1—136.
- Серамаа, Н. 1958, Suure ja väikese algustähe küsimusest. — KK, 496—498.
- Szinnyei, J. 1922, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Berlin-Leipzig.

SERGEJ KUDAJEV (Tartu)

DIFFERENTIATION OF THE GENITIVE AND THE ADJECTIVE ENDING IN -ń IN THE MORDVINIAN LANGUAGES

This article deals with the problem of distinguishing the genitive of a noun of the indefinite declension from a relative adjective. In the Mordvinian languages they are homonymous. On the basis of the investigation the following conclusions are drawn. The formal-logical principle of distinguishing these two parts of speech is not suitable. We can distinguish them only by their contextual environment.